

УДК 347.63

В статье рассматриваются некоторые актуальные вопросы теории алиментных обязательств и практики применения семейного законодательства в части реализации права члена семьи на предоставление материального содержания; анализируются терминологические и сущностные аспекты данного института, предложения по изменению алиментного законодательства в рамках концепции совершенствования семейного законодательства.

Ключевые слова: алименты; семейное законодательство; субъектный состав; соглашения.

The article deals with some topical issues of the alimony obligations theory and the practice of application of family legislation in terms of realization the rights of a family member to receive material maintenance; analyzes the terminology and essential aspects of this Institute, proposes changes in alimony legislation in the framework of the concept of improving Family Law.

Keywords: alimony; Family law; subjective composition; agreement.

Н. Н. Тарусина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: nant@univ.uniyar.ac.ru

Соглашения о предоставлении материального содержания члену семьи: границы «свободы передвижения»

Научная статья

N. N. Tarusina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Agreements to Provision of Material Maintenance to a Family Member: the Boundaries of «Freedom to Move»

Scientific article

Алиментирование относится к одной из форм социальной поддержки – наряду с собственно государственными. В этом смысле семья и государство являются социальными партнерами. Периодически данное партнерство обогащается введением института алиментного фонда. В Концепции совершенствования семейного законодательства идея его возвращения заложена, однако экономическая ситуация вряд ли позволит ее реализовать в краткосрочной перспективе. Так или иначе тенденция, связанная с активной ролью российских граждан в деле материального обеспечения детей и вспомоществования нуждающимся членам семьи, сохраняется и, возможно, даже усиливается. При этом, как справедливо замечает О. Н. Низамиева, законодательство, доктрина и практика исходят из презумпции добросовестности родителей как ключевых «игроков» на «алиментном поле» и принципа приоритета

добровольного исполнения соответствующих обязанностей, в том числе путем заключения соглашения, что подтверждается и в правовых позициях Конституционного суда РФ [1, с. 182].

Право на содержание (материальную поддержку), право на алименты, соответствующие им обязанности и выстроенные правоотношения в различные периоды развития советского и российского семейного законодательства с различных точек зрения рассматривались и рассматриваются то как тождественные (содержание – алименты), то как взаимодействующие по типу регулятивных и охранительных правоотношений. Этому разнобою способствовали КЗоБСО РСФСР, КоБС РСФСР и действующий СК РФ, где в разных нормах термины «содержание» и «алименты» употреблялись то в качестве синонимов, то в соотношении «общее и частное», то в контексте различения порядка предостав-

© Тарусина Н. Н., 2016

ления семейно-правовой помощи (добровольно – содержание, принудительно – алименты) [2, с. 60–69]. Так, например, правилом ч. 2 п. 1 ст. 80 СК РФ устанавливается: «Родители вправе заключить соглашение о содержании своих несовершеннолетних детей (соглашение об уплате алиментов) в соответствии с главой 16 настоящего Кодекса». В норме ч. 3 п. 1 ст. 42 СК РФ заявлено, что супруги «вправе определить в брачном договоре свои права и обязанности по взаимному содержанию», а в п. 2 ст. 89 уже упоминается конструкция «соглашения между супругами об уплате алиментов» и т. д.

В нашу задачу не входит аналитика терминологического и сущностного различия (отождествления) конструкций «содержание» и «алименты». Отметим лишь, что идея об охранительной природе алиментного правоотношения (обязательства) впервые была высказана О. С. Иоффе, который полагал, что последнее направлено «на обеспечение принудительного исполнения в точно установленных размерах обязанности одного члена семьи по предоставлению содержания другому» [3, с. 262].

О. Ю. Косова в своем исследовании сущности правоотношений по предоставлению материального содержания после подробного рассмотрения точек зрения по данному вопросу, напротив, приходит к выводу, что полное смысловое отождествление данных конструкций в большей степени соответствует действующему законодательству и этимологии слов. Впрочем, автор оставляет для концепции «правоотношение по материальному содержанию – охранительное об алиментировании» запасной «аэродром»: «как бы то ни было, необходимы дополнительные научные аргументы в пользу теоретической и практической целесообразности обособления алиментов и алиментного обязательства в рамках семейно-правовых отношений по предоставлению содержания». С ее точки зрения, «алиментное обязательство в механизме правового регулирования семейных отношений предстает как возникающая при наступлении указанных в законе обстоятельств семейно-правовая связь, в силу которой одна сторона обязана содержать (алиментировать) другую сторону, а последняя вправе требовать предоставления алиментов (содержания)» [2, с. 73–75].

Не употребляя термина «охранительное обязательство», М. М. Агарков (до О. С. Иоффе) отмечал, что при совместной жизни управомоченного

и обязанного лица (родителей и детей, супругов и т. д.) обязательственного отношения в собственном смысле слова нет; в этом случае обязанность содержать «тесно и неразрывно переплетается с чисто личными отношениями», «имущественные элементы лишь искусственно могут быть отделены от чисто личных». В алиментном же обязательстве, продолжал автор, мы, напротив, имеем все признаки обязательственного отношения – одна сторона имеет право требовать от другой совершения определенных действий, а именно периодических уплат деньгами, а в некоторых случаях – натурой; такое правоотношение обладает значительными особенностями, но все же обязательством является [4, с. 449–450]. Таким образом, предоставление материального содержания в рамках нормально развивающихся (регулятивных) правоотношений классиками цивилистики обязательством не признается – оно рождается на охранительной стадии существования правоотношений по материальной поддержке членов семьи.

(Что касается терминологической «диффузии», то она не исключительна: подобных примеров в законодательстве немало. В прикладном плане с этим считаться приходится, а для теоретического контекста это, на наш взгляд, большого значения не имеет – в том смысле, что может быть подвержено сомнению и уточнению.)

Алиментное обязательство возникает, как правило, на внедоговорной основе, и в необходимых случаях его принудительное исполнение обеспечивается судебным приказом или судебным решением. Как и для других семейных правоотношений, сущностно отличных от классических правоотношений гражданского оборота [5, с. 19–27], для него прежде всего характерны строго личная связь субъектов, непередаваемость и неотчуждаемость прав и обязанностей; безвозмездность (что не исключает будущей обязанности лица, получавшего алименты, стать лицом обязанным, однако не на этом основании, а в силу иных самостоятельных юридических обстоятельств, часто совершенно нетипичных для цивилистики); predeterminedность содержания жесткими установками закона; специфичность цели – обеспечение необходимых условий существования обязанного лица – члена семьи (бывшего члена семьи).

В целом эти характеристики были актуальны вчера, остаются таковыми и сегодня – с той лишь разницей, что с 90-х гг. XX в. взгляд на алимент-

ные обязательства как разновидность обязательств гражданско-правовых заметно обозначил свои позиции в общем контексте десуверенизации семейного права [6, с. 447]. Поскольку нас интересуют не собственно они, а договорные основания их возникновения, ограничимся констатацией данной тенденции.

В рамках общей тенденции развития договорного семейного права существенно расширена договорная основа алиментного обязательства и усилено его обеспечение нотариальным удостоверением. Впрочем, последнее представляется некоторым цивилистам излишне универсальным. Так, Е. В. Князева полагает нецелесообразным применять нотариальную форму ко всем алиментным соглашениям. Ее, по мысли автора, следует сохранить как обязательную лишь для тех соглашений, которые предусматривают передачу имущества в счет уплаты алиментов или иным образом воздействуют, например, на правовой режим имущества супругов [7, с. 6].

Соглашения о предоставлении материального содержания (об уплате алиментов) возможны между всеми субъектами потенциального алиментирования. Однако между ними имеются довольно существенные различия по содержанию (которые в общем виде фиксированы в норме ст. 99 СК РФ: договоренности о размере, условиях и порядке выплаты средств).

Так, размер алиментов с родителей на несовершеннолетних детей не может быть меньше установленного законом. О. Ю. Косова справедливо уточняет, что из смысла ФЗ «Об исполнительном производстве» (ст. 66 и др.) следует и максимальный предел – 70 %. Добровольно выплачивать можно и больше, но силу исполнительного листа будет иметь только обязательство в указанных пределах [8, с. 159–160]. В соглашениях могут быть заложены возможности выплат в твердой денежной сумме, натуре, смешанном варианте, индексации платежей, различной их периодичности, перечислении по почте, на банковский счет и т. д., в форме единовременной выплаты и/или предоставления имущества. Однако при этом очевидно, что такая вариативность должна отвечать целевому назначению алиментного обязательства, обеспечивать охрану интересов нуждающегося члена семьи.

По поводу целесообразности такой вариативности единого мнения нет. Ясно, что при выезде обязанного лица за рубеж таковая не только возможна,

но частично и наиболее эффективна (ст. 118 СК РФ). Л. Б. Максимович допускает, что указанный способ уплаты алиментов вполне может соответствовать, например, интересам несовершеннолетнего ребенка и за пределами случаев, предусмотренных ст. 118 СК РФ. Вопрос лишь в том, о каком имуществе идет речь (о предметах первой необходимости, вещах, используемых для образования ребенка, недвижимом имуществе и т. п.) и отвечает ли такой вариант решения насущных потребностей интересам ребенка [9, с. 142–143]. Однако, поскольку социальное назначение алиментных обязательств состоит в систематическом обеспечении таковых потребностей (в обсуждаемом случае – детей как объективно наименее защищенных субъектов семейного права и членов общества), единовременное денежное и/или имущественное вспомоществование (своеобразное отступное), как правило, и не отвечает указанной цели, поэтому должно рассматриваться как исключение, а не норма и применяться только в ситуации очевидного его соответствия интересам ребенка. Следует также отметить, что, исчерпывая собственно соглашение, оно не исключает применения нормы ст. 86 СК РФ о возложении на родителя обязанности несения дополнительных расходов при наличии исключительных обстоятельств.

Поскольку имущество может быть утрачено, а денежный взнос, ввиду инфляции, оказаться недостаточным для обеспечения жизненно необходимых потребностей, высказываются предложения о введении дополнительных гарантий защиты интересов нуждающегося лица (прежде всего, конечно, ребенка). Так, Е. В. Князева полагает целесообразным включить в ст. 104 СК РФ следующую норму: «Если плательщик исполнил обязанность по уплате алиментов путем единовременного предоставления денежной суммы или иного имущества, которое по не зависящим от получателя алиментов причинам не сохранилось либо его оказалось недостаточно для обычного уровня обеспечения, получатель в случае нуждаемости вправе обратиться в суд с требованием о предоставлении содержания» [10, с. 52–53].

Высказываются также справедливые предложения о значимости фигуры ребенка, достигшего 14-летнего возраста. Так, О. В. Розгон считает, что в процессе нотариального удостоверения соглашения об алиментах должны участвовать не только родители, но и указанный субъект

семейного права [11, с. 231]. Как известно, именно с этого возраста несовершеннолетний приобретает семейно-правовой статус «частично взрослого лица» [12, с. 81–91].

Не исключается также расширение возможностей алиментирования за счет соответствующей поддержки совершеннолетних детей, обучающихся по очной форме (до 23 лет), в том числе и посредством заключения соглашения [13, с. 306–307]. (Следует заметить, что судебной практике известны случаи удовлетворения исков о взыскании алиментов на таких детей – с опорой на аналогию пенсионного законодательства, хотя последняя в данном случае неприменима [1, с. 183].) В Концепции совершенствования семейного законодательства подобная возможность не исключается.

В науке обсуждается также вопрос о природе ответственности за неисполнение алиментного обязательства в форме неустойки. Так, О. Н. Низамиева, опираясь на обобщение судебной практики и позиции Верховного суда РФ, справедливо полагает, что применение норм ст. 333 ГК РФ об уменьшении неустойки, фиксированной правилом п. 2 ст. 115 СК РФ, недопустимо в силу социально уважительных обстоятельств возникновения алиментной обязанности [14, с. 220].

Актуальным является вопрос о расширении оснований возникновения алиментного обязательства между супругами и бывшими супругами. По справедливому замечанию О. А. Хазовой, круг ситуаций, при которых один из супругов вправе рассчитывать на алименты, крайне узок. Так, российский законодатель продолжает придерживаться исключительности алиментирования и не готов к «возвращению женщины в семью». В настоящее время, отмечает автор, «женщина, решившая посвятить себя семье и детям и не имеющая своего собственного дохода, полностью зависит от мужа; в случае развода или просто конфликтной ситуации она может оказаться совершенно незащищенной»; возможности трудоустройства ограничены, необходимо время для адаптации. Поэтому для подобных случаев (не превращая алименты в «пожизненную хлебную карточку») следует тем не менее предусмотреть временное алиментное обязательство экономически более сильного супруга. (Разумеется, подчеркивает О. А. Хазова, при этом должны использоваться гендерно-нейтральные формулировки, так как в роли «домашнего труженика»

может, хотя и крайне редко, оказаться мужчина.) Существуют, конечно, возможности урегулировать этот вопрос по усмотрению супругов в соглашении об алиментах или брачном договоре, однако они опираются только на взаимную добрую волю, не решая проблемы, где таковая воля отсутствует [15, с. 167–168]. О. А. Хазова предлагает ввести в российское семейное право конструкцию «реабилитирующих» или «компенсационных» алиментов, которые назначались бы судом (или о которых договаривались бы стороны) на ограниченный период времени (один – три года) или реализовывались в форме единовременной выплаты, позволяющей нуждающемуся супругу адаптироваться в изменившихся жизненных обстоятельствах. Автор также отмечает, что, если бы уровень материальной обеспеченности российских граждан был выше, «патриархальный ренессанс» приобрел бы еще более отчетливые формы [15, с. 167–168].

Не решен положительно вопрос о возможности заключения соглашения об алиментировании между фактическими супругами. Как мы неоднократно отмечали в своих работах (как, впрочем, и другие авторы), данный вопрос является частью общей проблемы семейно-правового признания подобных отношений, что во многих странах уже осуществлено – из ближнего зарубежья это прежде всего в Украине (ст. 91 СК) [16, с. 130–157]. Первоначально в Концепцию совершенствования семейного законодательства подобная идея была заложена, однако впоследствии исключена как «непроходная», что вызывает недоумение, печаль, возмущение (и другие подобные эмоции – на выбор).

Кроме того, нормой п. 1 ст. 89 Семейного кодекса Украины установлено: «Супруги, а также лица, брак между которыми расторгнут, имеют право заключить договор о прекращении права на содержание взамен приобретения права собственности на жилой дом, квартиру либо иное недвижимое имущество или получения единовременной денежной выплаты». Полагаем, что это также представляет интерес в плане совершенствования российского семейного закона.

Цивилистами обсуждается также вопрос, вправе ли иные члены семьи, прямо не отнесенные семейным законом к субъектам алиментных правоотношений, заключить соответствующее соглашение. Так, М. В. Антокольская (и ряд

других цивилистов) полагает это возможным, поскольку речь идет о добровольном возложении на себя таковыми членами семьи алиментной обязанности [17, с. 254–255].

Между тем, по признанию большинства цивилистов, толкование содержания нормы ст. 99 СК РФ к таковому выводу не ведет, поскольку субъектный состав соглашений об уплате алиментов ограничивается обязанными по семейному закону лицами. Именно и только в этом случае данные соглашения имеют силу исполнительного листа. Другие субъекты вправе заключить гражданско-правовые договоры о предоставлении содержания, причем применение к ним правил гл. 16 СК РФ по аналогии не допускается, так как норма ст. 6 ГК РФ не предусматривает аналогии семейного закона для отношений гражданского оборота. В нотариальной практике получило распространение оформление подобных соглашений в виде договоров дарения. Но и в этом случае они не будут иметь силу исполнительного листа.

Полагаем, что назрела необходимость придать норме ст. 99 СК РФ диспозитивный характер. Это отвечает целевому назначению алиментирования членов семьи. Если речь идет об отношениях по предоставлению материального содержания между членами семьи (в широком понимании данной конструкции), их следует регулировать с помощью семейно-правовых технологий, в том числе включая и аналогию семейного закона, разумеется, до принятия соответствующих изменений СК РФ. Главное требование к содержанию таких соглашений – соответствие общим началам семейного законодательства. А они, эти начала, с одной стороны, должны в публично-правовом режиме обеспечивать охрану и защиту жизненно важных интересов семьи, с другой – усиливать режим диспозитивности в этих же интересах [18, с. 38–43].

Ссылки

1. Низамиева О. Н. К вопросу о совершенствовании правового регулирования алиментных отношений // Семейное право и законодательство: политические и социальные ориентиры совершенствования. Тверь, 2015. С. 182–185.

2. Косова О. Ю. Право на содержание: семейно-правовой аспект. Иркутск, 2005. 253 с.

3. Иоффе О. С. Советское гражданское право. Л., 1965. Т. 3. 365 с.

4. Лушников А. М., Лушникова М. В., Тарусина Н. Н. Договоры в сфере семьи, труда и социального обеспечения. М.: Проспект, 2010. 432 с.

5. Тарусина Н. Н. Семейное право: очерки из классики и модерна. Ярославль, 2009. 616 с.

6. Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 1998. Ч. 3. 592 с.

7. Князева Е. В. Диспозитивность в семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 24 с.

8. Косова О. Ю. Алиментные обязательства. Иркутск, 2003. 216 с.

9. Максимович Л. Б. Соглашение об уплате алиментов: вопросы теории и практики // Труды института государства и права РАН. 2008. № 2. С. 133–148.

10. Князева Е. В. Некоторые вопросы договорного регулирования алиментных отношений // Семейное право на рубеже XX–XXI веков. М.: Статут, 2011. С. 51–54.

11. Розгон О. В. К вопросу о субъектах договора об уплате алиментов на детей // Семейное право на рубеже XX–XXI веков. М.: Статут, 2011. С. 229–231.

12. Тарусина Н. Н. Ребенок в пространстве семейного права. М.: Проспект, 2014. 144 с.

13. Шершень Т. В. О праве ребенка на содержание в современной России // Семейное право на рубеже XX–XXI веков. М.: Статут, 2011. С. 303–307.

14. Низамиева О. Н. К вопросу о правовой природе неустойки, взыскиваемой за ненадлежащее исполнение алиментных обязанностей // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2014. № 2. С. 217–223.

15. Лушников А. М., Лушникова М. В., Тарусина Н. Н. Гендер в законе. М.: Проспект, 480 с.

16. Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву. М.: Проспект, 2010. 224 с.

17. Антокольская М. В. Семейное право. М., 1996. 366 с.

18. Тарусина Н. Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М.: Проспект, 2014. 288 с.